

КЛИФА

1 (91)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakiifa.ru

ОБЛЕКАЯСЬ В ОДЕЖДУ НЕТЛЕНИЯ

Из проповеди сщмч. Сергия Мечева на праздник Богоявления

Праздник Богоявления — так же, как и Рождество, Вход Господень в Иерусалим и Пасха, — многие века был связан с крещением новопоцерковленных, с окончанием времени оглашения и вхождением в Церковь ее новых членов. Именно с этим прежде всего и связано освящение воды на Крещение...

Сегодня мы предстоим здесь вместе с Иоанном Крестителем, духовно соединяясь с ним в этом великом богослужении.

Если каждый из нас, как веритвятая Церковь, облачается в одежду нетления, то и для природы должно быть очищение от того греха, который мы в нее вносим. Именно сегодня праздник не только людей, но и всей природы, ибо и природа да облечется в одежду свою первую. И к горам, и к холмам, и к светилам небесным, и к Ангелам, и к человеку множеству обращаетсявятая Церковь, призывая всех петь и превозносить Господа. Таким образом, Церковь снова раскрывает нашу связь со всей природой, связь мира видимого и невидимого, связь между человеком и стихиями, между человеком и миром, связь, которой мы, грешные, скверные, не чувствуем, — и оттого-то мы так одиноки, оттого-то мы не понимаем богослужения, которое сегодня совершается.

Разве можно говорить о человеке и мертвой материи, когда через эту воду, через материю совершается Таинство Крещения и наше духовное рождение. Обыкновенная вода, получая духовные дары благодати, освящается, и через нее освящаемся мы. Другое великое Таинство — Миропомазание — совершается через Мир. Простое благоуханное вещество по освящении приобретает силу преподавать нам, миропомазанным, дары Свя-

того Духа. Хлеб и вино освящаются, предлагаются в Тело и Кровь Господа, делая нас Телом Христовым, если мы приобретаем не в суд или во осуждение.

Потому так тесна наша связь с видимой природой: все создание Божие живет Своим Творцом — истинной Жизнью, а человек стоит на грани двух миров: мира невидимого, которым он связан своей бессмертной душой, и мира видимого, через тело, которое, как проводник благодати Духа Святого, становится бессмертным, как и душа, если мы живем во Христе. Человек — малый мир — носит в себе соединение двух великих миров.

В этот величайший день Церковь верует: Господь снова крещается и обновляет Собою водное естество, вся природа, обновляясь, получает снова свою первую одежду, какую и мы получили в Крещении. Наша величайшая задача в этот праздник — осознать свою связь с обоими мирами: с миром горным и миром дольным; мы должны помнить, что мы не отдельно существуем, что мы связаны с этим миром, как его венец; мир, лежащий во зле, мы должны очищать, а не загрязнять вновь и вновь своим грехом.

В этот день мы не одиноки. Вся Церковь, видимая и невидимая, и человек, и Ангелы славят пречестное и великопое имя Отца и Сына и Святого Духа ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь

(Икона матери Марии Скобцовой)

В номере:

«Народу нашему нужно просвещение»

2 января 2009 года исполнилось 100 лет со дня преставления ко Господу св. прав. прот. Иоанна Сергиева (Кронштадтского)
С. 3

«В семинарии я решил помогать России»

Беседы с иеромонахом Михаилом Арранцем
С. 5

Миссия церкви в современном мире

Доклад проф.-свящ. Георгия Кочеткова на конференции «Наследие о. Александра Шмемана»
С. 6-7

«Он верил в Россию»

Интервью с сыном протопресв. Александра Шмемана, известным американским журналистом Сергеем Александровичем Шмеманом
С. 7-8

«Христианство так радостно. Так светло!»

8 января, на второй день праздника Рождества Христова, исполнилось 25 лет со дня преставления прот. Всеволода Шпиллера
С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» новости и рассказ о церковных событиях V века, связанных с крещением новопоцерковленных

ВОЗВРАЩЕНИЕ «БЛУДНОГО СЫНА»

Доклад Юлии Балакшиной, магистра богословия (СФИ), посвященный отношениям церкви и культуры на рубеже XIX-XX веков. Доклад был прочитан 2 января на конференции «Христианство и культура», СПб

Процесс отделения культуры от церкви, получивший название секуляризации, в России достиг своего апогея в XIX веке. Классическим примером этого разделения стал тот факт, что два великих русских человека — преп. Серафим Саровский и Александр Сергеевич Пушкин, жившие в одно и то же время, не знали о существовании друг друга. Культура порождала внутри себя своеобразные религиозные системы (романтизм, некрасовская гражданская поэзия), в которых святыми оказывались сначала искусство, дружба, любовь, потом — страдания народа. Со своей стороны, церковь с недоумением встречала любые попытки представителей культуры наладить разрушенные мосты. Так, цензор С.-Петербургской духовной цензуры прот. Тимофей Никольский размашистым почерком написал на статье Н.В. Гоголя «О нашей Церкви и духовенстве» (из книги «Выбранные места из переписки с друзьями»): «Понятия автора о русской церкви КОНФУЗЬНЫ» и запретил главу к публикации.

Определенный разворот в отношениях церкви и культуры наметился только на рубеже XIX-XX веков, когда в среде русской интеллигенции созрел серьезный интерес к христианству, а в среде русского духовенства выросло поколение, впитавшее лучшие достижения культуры. В 1906 г. в журнале «Вопросы религии» появилась статья С.Н. Булгакова (будущего прот. Сергия Булгакова) «Церковь и культура». Ис-

пользуя образы евангельской притчи, Булгаков сравнивал современное человечество, современную ему культуру с блудным сыном, который некогда, взяв свое наследство, оставил дом отца, чтобы в «стране далекой» пожить на свободе, но ныне начинает ощущать духовный голод и «втихомолку, в глубине души вздыхать о покинутой родине». «Вся современная культура, — пишет Булгаков, — разросшаяся в пышное и могущественное дерево, начинает чахнуть и блекнуть от недостатка религиозно-мистического питания»¹. Предсказывая возвращение «блудного сына» (современного человечества) в отчий дом (в Церковь), Булгаков с тревогой вопрошает о том, кто и как встретит его за церковной оградой? что стало «с людьми церкви в этот внецерковный и даже антицерковный гуманистический век»? И отвечает: «При верности и строгости своего служения они (люди церкви) вместе с тем усвоили высокомерно-недоброжелательное и фарисейски-мертвенное отношение к младшему брату, который хотя и «согрешил пред небом и пред Отцом» во время своих странствий, но сохранил открытую и живую душу»².

Булгаков формулирует проблему предельно остро: «Помирятся ли и поймут ли друг друга оба брата? можно ли преодолеть внецерковность и внерелигиозность современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви? «Вот, — с

точки зрения Булгакова, — великий и роковой вопрос, который ставится теперь перед историей».

Обратимся к двум историческим примерам, предлагающим варианты ответа на поставленный вопрос: опыту св. прав. Иоанна Кронштадтского и движению ревнителей церковного обновления, выросшему из кружка «32-х» петербургских священников.

Окончание на с 4-5

В Свято-Никольском соборе Вашингтона состоялась интронизация Митрополита Американского и Канадского Ионы

В богослужении приняли участие члены Архиерейского Синода Православной Церкви в Америке, а также иерархи и священнослужители, прибывшие на торжества из-за границы, сообщает сайт Православной Церкви в Америке.

Среди прибывших на торжества были представители Поместных Православных Церквей: от Русской Православной Церкви — епископ Зарайский Меркурий, управляющий Патриаршими приходами в США, епископ Филомена Илия, представитель Албанской Православной Церкви, архиепископ Люблинский и Холмский Амель, представитель Польской Православной Церкви.

В интронизации также приняли участие иерархи, представляющие епархии Поместных Православных Церквей в Америке, — митрополит Христофор (Средне-Западная епархия Сербской Православной Церкви), архиепископ Николай (Архиепископия Румынской Православной Церкви в Америке и Канаде), епископ Фома (Архиепископия Антиохийской Православной Церкви в Северной Америке). Константинопольский Патриархат представлял священник Марк Эри, Православную Церковь Чешских земель и Словакии — протоиерей Ян Полянский. От Украинской Православной Церкви в торжествах принял участие архимандрит Кирилл (Говорун).

На церемонии также присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол России в США Сергей Кисляк.

В своем слове после интронизации митрополит Иона отметил, что Церковь может осуществлять свою миссию только тогда, когда ее чада будут иметь в своей жизни только один ориентир — Христа Спасителя. Он подчеркнул, что в прошлом деятельность Церкви, ограниченная по разным причинам, сейчас должна расширяться и приводить людей к общению с Создателем. Он отметил, что это возможно, когда члены Церкви станут жить с ощущением живого присутствия в мире Христа.

Митрополит Иона также подчеркнул, что единство Православия в Северной Америке — это цель, к которой должны стремиться все верующие. В любом случае, сказал Предстоятель Православной Церкви в Америке, задача достижения единства должна осуществляться в условиях взаимного уважения и любви между православными Церквами, осуществляющими свое служение в Северной Америке.

patriarchia.ru

В Париже, в помещении Свято-Сергиевского института прошла международная конференция «Наследие о. Александра Шмемана»

11-14 декабря 2008 года, в Париже, в помещении Свято-Сергиевского института прошла международная конференция «Наследие о. Александра Шмемана». Конференция была организована РСХД совместно с институтом и при поддержке архиепископии приходов русской традиции Константинопольского патриархата в Западной Европе и всемирного братства православной молодежи «Синдесмос».

Задали тон работе конференции выступления литературоведов. О. Михаил Евдокимов отметил, что о. Александр Шмеман в своей жизни следовал «принципу реализма». Он любил читать и читал много и разнообразно — от толстых романов до газетных статей. Особенно любил о. Александр произведения автобиографического характера. Он предпочитал периодику и художественную литературу так называемой «идейной» литературе философского и богословского характера. Объяснялось это тем, что писатели и журнали-

сты, в отличие от ученых, по мнению о. Александра, имеют дело с реальным миром, а не абстрактными моделями.

Огромное значение для приснопамятного пастыря имело знакомство с творчеством и личностью Александра Исаевича Солженицына. Их отношения, которые никогда не теряли сердечности, хотя и прошли через период некоторого охлаждения, был посвящен доклад проф. Н.А. Струве. Каждый год о. Александр навещал семью Солженицыных в их доме в Вермонте, где они вместе молились за литургией. За месяц до своей кончины, уже безнадежно больной, о. Александр с грустной улыбкой сказал своему другу Никите Алексевичу: «В этом году я уже не буду в Вермонте».

Тема внимания о. Александра Шмемана к жизни реального мира была продолжена участниками секции «Церковь и мир». О восприятии о. Александром мира как пространства Откровения Божия говорил Жан-Франсуа Колосимо (Париж). Важность признания церковью культуры, на чем настаивал о. Александр, отметил о. Алексей Виноградов (Нью-Йорк). В качестве одного из наиболее удачных примеров такого признания он назвал храм св. Серафима Саровского в г. Далласе. О. Михаил Плекон (Нью-Йорк) напомнил, что такому внимательному и ответственному отношению к миру о. Александр научился у о. Сергия Булгакова, который, по словам самого Шмемана, «определил его мышление».

О. Георгий Кочетков в своем докладе* показал, что вдохновенное о. Александром Шмеманом евхаристическое возрождение было обусловлено главной темой в жизни о. Александра — миссией Церкви в современном мире.

Консультант Синодальной богословской комиссии РПЦ А.И. Кырлежев приветствовал участников конференции от имени председателя комиссии митрополита Минского и Слуцкого Филарета. По мнению Александра Ивановича, сейчас в России возрождается религия, а не церковь. По данным соцопросов из 73% жителей России называющих себя православными, многие не верят в Бога. В этих условиях «пафос смысла», свойственный наследию о. Александра Шмемана и проявляющийся в частности в выявлении постоянного и переменного в церковной традиции, и его «профетическое слово» очень востребованы, т.к. помогают передавать опыт церковной жизни. Появляется новый тип священников и приходов, знакомых с наследием о. Александра Шмемана, стремящихся именно к церковному возрождению.

В секции «Литургическое богословие» наряду с теоретическими докладами, представлявшими анализ текстов о. Александра как по конкретным вопросам, например эволюции понятия литургического символа (С. Фройшов, Осло), так и по более общим — отношение к богослужебному уставу в целом (о. Андрей Лосский, Париж), звучали и более практические выступления. Проф. Павел Мейендорф рассказал о тех изменениях, которые произошли в жизни Православной Церкви в Америке (ПЦА) за последние 50 лет. По данным возглавляемой им литургической комиссии ПЦА 80% американских приходов практикуют чтение литургических молитв вслух, 95% — частое причащение, 69% — крещальные литургии. На последнее обстоятельство докладчик обратил особое внимание, подчеркнув важность возвращения крещальной купели в церковное собрание подобно тому, как, в XX веке, во многом усилиями о. Александра, была возвращена в него евхаристическая чаша.

Особое внимание слушателей привлекли яркие выступления участников эклезиологической секции. Представители греческого православия член редакции журнала «Синаксис» святи. Георгий Басиудис и главный редактор издания Афанасий Папафанаси говорили о значении литургического богословия как основания для истинного понимания церкви, помогающего преодолеть суженное восприятие церкви как конфессионального или национального института (организации), избегая эклезиологии (церковопоклонства). Папафанаси подчеркнул также значение миссии как неотъемлемой части эклезиологии: «Церковь существует для провозглашения Царства Небесного».

* Текст доклада опубликован на с. 6-7

О. Иоанн Гейт указал на ключевое для восприятия наследия о. Александра Шмемана положение — о. Александр был прежде всего пастырем. Соответствующий опыт был источником его богословия. Он понимал литургический символ как соединение, встречу с реальностью, которую являет символ. Для него Евхаристия была не проекцией небесной литургии на землю, а сослужением неба и земли. Поэтому необходимо восстановить в церкви сослужение всех крещеных. Священник не может быть над верующими. Эклезиология не может не быть евхаристической.

Заключением работы эклезиологической секции было обсуждение практических вопросов эклезиологии в связи с обретением автокефалии (церковной самостоятельности) ПЦА. Заинтересованно слушали гости конференции выступления непосредственных участников событий — оо. Леонид Кишковский (Нью-Йорк, ПЦА) и Фомы Фитцджеральда (Бостон, Константинопольский патриархат). После революции бывшая русская православная митрополия в Америке находилась долгое время в изоляции из-за неопределенности эклезиологического статуса. В 1970 году, во многом благодаря усилиям о. Александра Шмемана, этот статус в виде автокефалии был получен.

Живыми свидетельствами запомнилась секция конференции, посвященная вопросам пастырства. Среди них — выступление Ольги Викторовой о вдохновленном о. Александром рождении общинного прихода Св. Иоанна Богослова (St. Jean) в Париже, а также заместителя главного редактора газеты «Кифа» Александра Бурова, рассказавшего о значении трудов о. Александра для людей, стремящихся к воцерковлению в России в последнее 20-летие.

Завершили работу конференции доклады оо. Петра (Мещеринова) и Леонида Кишковского. О. Леонид Кишковский свидетельствовал о том, как в нынешней жизни ПЦА воплощается наследие о. Александра. О. Петр говорил о преодолении искажений веры в Церковь. По его мнению, преодолеваются они верой в то, что «Церковь есть Царство Небесное, пришедшее в силе, предназначение на земле вечной жизни, разрушение средостения между Богом и человеком, снятии преграды между небесным и земным существованием, общение всех христиан, и живущих здесь, и отшедших; упразднение власти над человеком детерминированных сил мира сего, повседневная, ежeminутная жизнь в Боге, со Христом, Духом Святым». Именно такое понимание Церкви в XX веке утверждал, считает игумен Петр (Мещеринов), о. Александр Шмеман.

Сергиевское подворье в Иерусалиме возвращено России

Правительство Израиля 28 декабря подписало окончательный документ по передаче исторического здания иерусалимского Сергиевского подворья России, сообщили 31 декабря в пресс-службе Счетной палаты РФ.

Это событие явилось итогом многолетней комплексной работы руководства России и Израиля, Императорского православного палестинского общества, в частности, его председателя Сергея Степашина, «и всех сил, стремящихся вернуть России принадлежащее ей по праву имущество, которое является общенациональным достоянием», отметили в пресс-службе.

Свое имя Сергиевское подворье получило в честь первого председателя ИППО, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича. В день его рождения, 29 апреля 1889 года, впервые над угловой башней подворья взвился флаг с эмблемой ИППО, который впоследствии всегда поднимали по большим светским и церковным праздникам.

В свою очередь официальный представитель МИД РФ Андрей Нестеренко заявил, что уже в ближайшее время в соответствии с распоряжением президента РФ начнутся работы по реставрации подворья, которое, как подчеркнул дипломат, является редким по красоте и величии образцом архитектуры XIX века, украшенным уникальными фресками русских мастеров.

Седмица.ру

Архиепископ Марк считает создание в Западной Европе Митрополичьего округа Русской Православной Церкви вполне реальной идеей

Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский Марк (РПЦЗ) заявил об этом в беседе с корреспондентом «Седмицы.ру» Анатолием Холодюком:

— *Ваше Высокопреосвященство, сколь долгом по времени Вы видите процесс объединения двух ветвей Русской Православной Церкви в Германии?*

— Делать какие-то предсказания в этом плане просто невозможно. Основываясь на анализе этапов, предшествующих объединению нашей Русской Церкви, можно заметить, что в процессе восстановления единства были такие вопросы, которые решались значительно быстрее, чем мы предполагали. Однако имелись и те, решение которых приходилось откладывать до времени. В ходе переговоров двух комиссий мы тогда определили пятилетний срок, в течение которого может произойти полное восстановление единства Церкви.

Произойдет ли по такому же сценарию объединение двух наших епархий на одной территории, сейчас трудно сказать. Это мы до сих пор не проговаривали и об этом не договаривались, потому что не хотели ломать какие-то устоявшиеся традиции. Мы понимаем, что в обеих епархиях имеются люди, привыкшие жить в той атмосфере, в какой они жили десятилетиями. И сейчас резкое изменение привычной обстановки может оказаться для них обременительным. Однако в Германии сейчас имеется много новых священников и прихожан, которые совершенно иначе реагируют на перемены, и поэтому они могут значительно быстрее включиться в объединительный процесс двух епархий.

— *Как Вы думаете, реально ли создание в Западной Европе Митрополичьего округа Русской Православной Церкви — под омофором Москвы?*

— Я думаю, что это вполне реально. Об этом еще в свое время говорил ныне покойный Святейший Патриарх Алексий II. И мы тогда, еще не будучи даже в каноническом общении, согласились участвовать в обсуждении данного вопроса. Действительно, в настоящий момент епархии и приходы в Западной Европе очень разрознены. Здесь разные епархии частично перекрывают друг друга в территориальном плане, что создает ненормальное положение. Было бы лучше, если бы мы имели одно руководство, где все было бы сосредоточено и согласовано при соборном управлении.

В свое время мы говорили с отдельными иерархами и верующими об этой проблеме, но ее общее и углубленное обсуждение еще не имело места. Мне кажется, что рано или поздно придется вновь поднять проблему создания русского Митрополичьего округа в Западной Европе.

— *Вы согласились бы возглавить этот округ, если бы пост митрополита был предложен Вам?*

— Думаю, что в свое время мы узнаем, кому этот пост будет предложен. Было бы преждевременным выбирать сегодня какую-то кандидатуру до досконального обсуждения этого вопроса и возможных выборов. Сначала важно пронаблюдать, как будет развиваться сама идея Митрополичьего округа и как она будет укладываться в единый поток нашей церковной жизни. В настоящий момент понятно, что я являюсь одним из старейших архиепископов на европейской территории, но это совсем не означает, что надо выбирать именно старейшего. Иногда ради интересов общего дела бывает даже лучше выбрать молодого архипастыря, что, по-моему, в данном случае было бы оправдано.

Седмица.ру

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА IV ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА»

IV просветительская конференция «Христианство и культура» прошла 2 января под эгидой журнала «Вода живая» в просветительском центре при приходе Феодоровской иконы Божией Матери. Предваряла конференцию Божественная литургия в храме Новомучеников и Исповедников Российских, за которой пел хор прихода святых апостолов Петра и Павла. Прозвучала Литургия на музыку епископа Венского и Австрийского Илариона (Алфеева).

Конференцию открыл доклад «Христианские и секулярные основания современной культуры: противостояние или взаимодействие» протоиерея Евгения Горячева, настоятеля храмов Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Николая в Шлиссельбурге. Отец Евгений проследил историю возникновения христианской культуры, ее упадок в эпоху Возрождения, приведший к последующей секуляризации европейской культуры и цивилизации.

Преподаватель РГПУ имени А.И. Герцена кандидат филологических наук Юлия Балакшина рассмотрела процесс секуляризации отечественной культуры в докладе «Возвращение «блудного сына». Церковь и культура на рубеже XIX–XX веков по материалам трудов святого праведного Иоанна Кронштадтского и петербургского духовенства». В качестве примеров церковно-культурного взаимодействия она привела высказывания святого кронштадтского пастыря, а также опыт знаменитого «Кружка тридцати двух», в который входили передовые образованные петербургские священнослужители. В ходе обсуждения доклада Юлии Балакшиной произошел курьезный случай. Приняв отмеченную докладчицей разницу подходов к культуре св. прав. Иоанна Кронштадтского и группы ревнителей церковного обновления, известной в исторической литературе как «группы 32-х священников», за противопоставление, проф.-прот. Георгий Митрофанов выступил с критикой этого положения. Развивая свою мысль, о. Георгий в присущей ему эмоциональной манере убедительно показал, что упомянутая группа за отделимым исключением не имела ничего общего с печально известными «обновленцами» и противопоставлять их опыту святого нет никаких причин.

Поскольку доклад был зачитан в отсутствие Юлии Валентиновны, то разъяснить возникшее недоразумение взялся член того же, что и докладчица, Свято-Петровского малого православного братства Александр Буров. Он сообщил, что Ю.В. Балакшина недавно успешно сошла магистерскую работу в Свято-Филаретовском институте, где на основании богатого архивного материала показала несостоятельность попыток представить «ревнителей церковного обновления», как предтечу «обновленцев», т.е. отставала ровно тот же тезис, что и о. Георгий Митрофанов в своей критике ее доклада. Разъяснение было со вниманием и благодарностью принято участниками конференции.

Доцент Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета кандидат филологических наук Ирина Багратион-Мухранели прочитала доклад на тему «Религиозные поиски в русской литературе

Серебряного века». Она подробно разобрала стихотворение Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре», в котором немало реминисценций из православной литургической практики, хотя поэт, как считает автор доклада, не был религиозен и в его отношении ко Христу много спорного. Докладчица обратилась также к творчеству Сергея Есенина. Использование христианских архетипов, по мысли автора, и сделало его поистине народным поэтом.

Настоятель храма Феодоровской иконы Божией Матери, ответственный редактор журнала «Вода живая» протоиерей Александр Сорокин отметил в ходе конференции: «Так получилось, что три доклада, первыми прозвучавшие на конференции, связаны с Серебряным веком. Тому есть ряд причин. Во-первых, конференция посвящена 100-летию блаженной кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского, а отец Иоанн жил именно в эту эпоху — конца XIX–начала XX веков. Во-вторых, эта тема логически оправдана под сенью нашего прихода: за окнами — построенный именно в это время храм Феодоровской иконы Божией Матери. Его история, вначале пышная, даже помпезная, а потом, в богоборческую эпоху, трагическая, даже позорная — иллюстрация конфликта между Церковью и культурой, который не разрешен по сей день. Мы вглядываемся в события, которые происходили сто лет назад, как в зеркало сегодняшнего дня».

Конференция продолжилась дискуссией «Православие: бегство от культуры?», которую вел клирик храма Богоявления на Гутуевском острове иерей Дмитрий Симонов. Участниками обсуждения стали протоиерей Евгений Горячев, настоятель храма Успения Божией Матери в Кондопоге протоиерей Лев Большаков, заведующая кафедрой христианской культуры Библийско-богословского института Ирина Языкова, кандидат физико-математических наук, заведующая учебной частью Свято-Иоанновских богословских епархиальных курсов Мария Кульбицкая.

В обсуждении также приняли участие главный редактор радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров» протоиерей Александр Степанов, настоятель храма святых апостолов Петра и Павла протоиерей Георгий Митрофанов, настоятель Князь-Владимирского собора протоиерей Владимир Сорокин, архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), клирик храма Феодоровской иконы Божией Матери иерей Дмитрий Сизоненко, а также прихожане петербургских храмов.

Выступающие сошлись во мнении, что противопоставление Церкви и культуры, которое, увы, имеет место, быть не должно. Завершая обсуждение, иерей Дмитрий Симонов сказал: «Культура ведет к Богу, если она истинная. В творчестве человека надо научиться видеть присутствие Божие».

Подробный отчет о конференции будет опубликован во 2-м номере журнала «Вода живая». Доклады будут опубликованы в богословском приложении к журналу, посвященном теме «Христианство и культура».

«Вода живая» / Патриархия.ru / Информационная служба СФИ

СОСТОЯЛАСЬ ПЕРВАЯ ОФИЦИАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И РУССКОЙ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВЕЙ

26 декабря в Москве в Покровском храме в Рубцове, где по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II создается Патриарший центр древнерусской богослужебной традиции, состоялась первая официальная встреча членов Комиссии Русской Православной Церкви по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством с представителями Русской Древлеправославной Церкви, возглавляемой древлеправославным архиепископом Московским и всея Руси Александром (Калининым), сообщает Служба коммуникации ОВЦС.

На встрече, прошедшей в обстановке взаимного уважения и доброжелательности, обсуждались вопросы, представляющие взаимный интерес: статус и значение Большого Московского Собора 1666–67 годов и вопрос об апостольском преемстве иерархии Русской Древлеправославной Церкви. Стороны обменялись взглядами по данным вопросам, свободно и открыто обсудив имеющиеся в них проблемные моменты.

От Русской Православной Церкви во встрече принимали участие глава рабочей группы по собеседо-

ваниям со старообрядцами епископ Брянский и Севский Феофилакт, профессор Московской духовной академии, председатель Историко-правовой комиссии Московского патриархата протоиерей Владислав Цыпин, секретарь Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством священник Иоанн Миролубов и сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского патриархата Д.И. Петровский. Русская Древлеправославная Церковь была представлена председателем Миссионерского отдела Русской Древлеправославной Церкви епископом Сибирским Сергием (Попковым), сотрудником этого отдела протоиереем Андреем Марченко, благочинным Слобожанского благочиния (Украина) протоиереем Николаем Просиним и клириком Покровского кафедрального собора в Москве священником Георгием Новиковым.

По взаимному согласию сторон признано полезным продолжить обсуждение интересующих обе стороны тем. Следующая встреча ориентировочно намечена на май 2009 года.

Благовест-инфо

ВПЕРВЫЕ В ИНТЕРНЕТЕ ВЫЛОЖЕНЫ СОБРАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ДЕЯНИЯ СВЯЩЕННОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–1918 ГГ.

Впервые в Интернете выложен полный отсканированный текст Собраний определений и Деяний знаменитого Собора Русской Церкви (репринтное

издание — Москва, 1994–2000). Материалы Собора опубликованы на сайте Богослов.ru с разрешения Новоспасского монастыря.

Патриархия.ру

«Народу нашему нужно просвещение»

2 января 2009 года исполнилось 100 лет со дня преставления ко Господу св. прав. прот. Иоанна Сергиева (Кронштадтского)

Значение деятельности этого святого человека, жившего накануне грозных революционных событий, для русской церкви чрезвычайно велико. Многие новомученики и исповедники российские свидетельствовали, что опыт встречи с живой и пламенной верой отца Иоанна помог им выстоять в ситуации столкновения со злом, вскоре восторжествовавшим в нашей стране. Центром духовной жизни о. Иоанна была евхаристия. Уже в ранних дневниках он писал, что силы для борьбы с грехом черпает именно в евхаристической чаше, и сожалел, что такой возможности лишены миряне. Всероссийская известность позволила о. Иоанну распространить личный опыт частого причащения на своих духовных чад, переломив существовавшую в России традицию причащения одного раза в год.

Отец Иоанн Кронштадтский стремился вернуть литургии соборный характер, дать возможность приходящим людям быть не только пассивными зрителями, но и соучастниками происходящего. Многие возгласы отца Иоанна произносил громко, обращаясь лицом к народу; молитвы читал «не нараспев, как принято, а обыкновенным разговорным языком, но громко, раздельно, отчетливо и необычайно выразительно». Литургия активно использовалась отцом Иоанном для просвещения народа. Проповеди и поучительные слова отец Иоанн произносил за каждым богослужением. Осознание отцом Иоанном духовной и церковной безграмотности русского народа произошло еще в академические годы, когда он отказался от пути внешнего миссионерства. С тех пор необходимость научения народа основам веры воспринималась им как одна из основных личных задач и как задача всего пастырства: «Народу нашему нужно просвещение, а не игрушки. Вот где для пастырей широкое поле для деятельности — причинить народ к серьезному, здоровому и согласному с христианским настроением времяпрепровождению».

Обширная благотворительность, молитвенное ходатайство за болящих сделали отца Иоанна «всероссийским батюшкой», знаковой фигурой, как бы компенсирующей в глазах народа недостатки духовности и скрепляющей в одно целое распадающееся российское общество. В воспоминаниях о нем постоянно повторяется, с одной стороны, мотив простоты и доступности, а с другой — его равная открытость ко всем слоям общества, «от убогих хижин до царских дворцов». В ситуации духовного смятения отец Иоанн оказывался для многих единственной надеждой в разрешении типичных ситуаций. «Жизнерадостный евангельский дух», неутомимая жизненная энергия отца Иоанна противостояли декадентским настроениям эпохи.

Служение о. Иоанна было связано с постоянным пребыванием в гуще народа, с непрекращающимся общением с людьми, стремившимися к нему со всех концов России. Это требовало от него обоняния как традиционных форм пастырского окормления (например, введение общей исповеди), так и поиска новых путей аскетического делания. Внутренняя жизнь кронштадтского батюшки держалась на трех основаниях: постоянной молитве, чтении Евангелия, самоотчете в дневнике. Для него было характерно присутствие во всем личной творческой инициативы, в том числе и в деле чтения Священного Писания: «...Святое Евангелие — это драгоценнейшее для нас благовестие о нашем спасении. При чтении я стараюсь вдумываться в каждый стих, в каждую фразу, даже в отдельные слова и выражения». В кронштадтском батюшке происходило не «отвержение жизни в ее прочных, богоустроенных, добротных <...> проявлениях» (архим. Константин (Зайцев)), а скорее, наоборот, таинственное обновление жизни Духом Святым, позволяющее Церкви сохранять свою живую и творческую богочеловеческую природу.

Воронежское православное братство свт. Тихона Задонского выступило организатором проведения Мандельштамовских дней в городе

В конце декабря — начале января международное Мандельштамовское общество проводило в городах России, связанных с жизнью поэта Серебряного века — Владивостоке, Воронеже, Санкт-Петербурге и Москве — Мандельштамовские дни.

В Воронеже в качестве организатора вечера памяти Осипа Мандельштама выступило братство во имя свт. Тихона Задонского. Братство объединяет преимущественно художественную интеллигенцию города и приобрело известность благодаря проведению акций культурно-просветительской направленности. В частности, его активисты проводят в городском доме актера регулярные встречи, посвященные памяти и наследия религиозных и общественных деятелей. Ближайшая встреча, которая состоится в конце января, посвящена о. Тавриону (Батозскому).

При участии братства гостем Мандельштамовских дней в Воронеже стала известная поэтесса Ольга Седакова. Гостья также выступила перед членами братства.

«Благовест-инфо»/Патриархия.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ «БЛУДНОГО СЫНА»

Доклад Юлии Балакиной, магистра богословия (СФИ), посвященный отношениям церкви и культуры на рубеже XIX-XX веков

Отец Иоанн Кронштадтский вошел в историю церковно-культурных отношений как активный оппонент Л.Н. Толстого и его религиозного учения. В многочисленных проповедях, словах, брошюрах он громил Толстого, толстовцев, а заодно и вообще всех светских писателей: «Светские писатели только в землю смотрят и выше земли не поднимают сердечного ока своего; но человек сотворен преимущественно для небесного, а не для земного только, и его стан и телесные очи обращены к небу. Писатели мирские слишком односторонни и неполны, — и когда захотят говорить о предметах веры, то говорят большею частью только для того, чтобы глумиться над ними и толковать их по своему одностороннему ошибочному разумению»³. Не менее категоричные суждения о культуре можно найти и в личных дневниках отца Иоанна: «...Предмет театра — суета мирская, а самое справедливое для него название — игралище житейской суеты, и христианскому театру ничего не дает, приучая его только к праздности и рассеянности и лишая его окончательно расположения к храму Божьему и к богослужению...»⁴; «К чему ведет чтение светских книг, особенно романов? К нечистой любви, разврату, охлаждению к вере и Церкви, к Евангелию и даже — увыл! — к самоубийству»⁵.

На первый взгляд кажется, что перед нами как раз суждения того «старшего сына», который не хочет видеть живую душу и потребность возвращения в своем «младшем, блудном брате». Обратим, однако, внимание на то, что все приведенные высказывания — публичные проповеди или дневниковые заготовки к ним. Там же, где отец Иоанн в своем дневнике остается наедине с собой и с Богом, реалии культуры подчас дают ему возможность высказать нечто важное о себе и мире. Так, восхищение красотой Божьего творения вызывает в его памяти строки из оды Г.Р. Державина «Бог», приступы нелюбви, раздражения, озлобленности заставляют обратиться к стихотворению А.К. Толстого «Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...», предсмертная фраза А.С. Пушкина «и смешно же это, чтобы этот вздор меня пересилил» укрепляет в борьбе с невидимыми внутренними врагами.

Таких культурных аллюзий в дневниках о. Иоанна немало, но знаменательно уже то, что причину ведения дневника он формулирует, используя ключевую фразу античной философии: «познай самого себя». Более того, тот способ самопознания, который избирает отец Иоанн (дневник, в который заносятся наблюдения над самим собой, молитвы, заготовки для будущих проповедей, бытовые заметки), весьма характерен для культурного сознания эпохи второй половины XIX века (неслучайно такой же целожизненный дневник вел и Л.Н. Толстой). Общая дегероизация жизни приковывает внимание не к исключительным событиям, а к каждому дню, к будничным мелочам, из которых складывается жизнь провинциального священника. Обретенное обществом понятие о «самостоянии» личности косвенным образом влияет на духовное самоустроение о. Иоанна, который сам, без водительства опытных старцев, занимается своим духовным воспитанием, опираясь на образцы, полученные из Евангелия и святоотеческой литературы. Ускорение жизненных темпов эпохи опережает форму дневника: разрозненные заметки, сделанные на счетах, клочках бумаги, чьих-то письмах, сводятся в одну тетрадь, но не выстраиваются в единый текст, подобный, например, «Исповеди» блаж. Августина.

Таким образом, перефразируя знаменитое выражение Гете, можно сказать: «Гони культуру в дверь, она влетит в окно». Культура, определяющая способ бытия человека в современном ему мире, вольно или невольно входит в жизнь через «воздух эпохи». Можно не читать романов Толстого, не посещать театров и художественных выставок, но нельзя игнорировать принятую в обществе систе-

му ценностей и понятий, языковых норм, бытовых привычек и представлений и т.д. Вероятно, поэтому многократно публично обличаемый Толстой является о. Иоанну во сне и просит об исповеди.

К чести о. Иоанна нужно сказать, что он был достаточно чуток именно к этим эпохальным культурным запросам⁶. Так, например, он понимает, что современный человек требует большей интеллектуальной включенности в богослужение и предлагает в рамках катехизических бесед «изъяснить матерю богослужения», а в качестве примера приводит так горячо обличаемый им театр: «Для разумного и благоплодного предстояния в храме во время богослужения нужно знать, что изображается на каждой службе <...>; как, например, в театре зрители знают, что разыгрывается на сцене»⁷. Да и сама идея частого причащения не является ли ответом на резкое изменение церковно-культурной ситуации, в которой оказался русский человек на рубеже XIX-XX веков? В условиях нервных и непостоянных ритмов городской жизни, разложения традиционного крестьянского быта отец Иоанн как бы нащупывал духовный и экзистенциальный центр, вокруг которого может быть собрана жизнь человека. Как вспоминают очевидцы, «он звал, он требовал, чтобы все, все без изъятия, шли вкусить от Источника бессмертия»⁸. А неповторимая, своеобразная манера богослужения, в которой был чрезвычайно силен личностный элемент?! Это ли не следствие характерного для эпохи нового времени «свободного развития ... человеческой стихии» (С.Н. Булгаков)? О. Иоанн отказался от нейтральной интонации нараспев, позволял себя импровизированные молитвы своими словами, эмоциональные жесты, поклоны, слезы. «Непринужденно свободным потоком из глубины души льются у него слова молитв: содержание их далеко опережает в его сердце внешнюю их форму и обрядовое выражение»⁹, — так современники описывали служение кронштадтского батюшки.

Прислушаемся теперь к «антикультурным» аргументам о. Иоанна и попробуем понять их логику.

Во-первых, о. Иоанн всегда резко реагирует на нарушение культурой своих границ, будь это демонстрация живых картин с плавающими полубоженными наядами в Кронштадтском театре в Неделю Православия или претензии Л.Н. Толстого на создание новой религии. Если, вслед за Н.А. Бердяевым, определить культуру как «срединное царство», то можно сказать, что о. Иоанн противопоставил как ее провалам в ад, так и ее попыткам занять место Бога.

Во-вторых, можно констатировать, что чаще всего в поле внимания о. Иоанна оказывается массовая культура, то, что мы сегодня бы назвали «индустрией развлечений», такое искусство, которое стремится не к постижению смысла, а к уходу от него. «Направление общества ... театро-игорное, фортепианно-игорное. Жизнь — игрушка ли? Не осуществление ли великой задачи спасения, обращения, совершенствования?»¹⁰ — задает в дневнике вопрос о. Иоанн. Но эту жажду спасения и творчества он не видит в культуре, которая для него только пристанище «смеха и хохота».

В-третьих, о. Иоанн видит опасность в самой природе искусства, которая включает в себя эстетическое наслаждение: «Хорошее пение — это тоже своего рода сласть: сласть уха, но не брюха»¹¹. Забавно, что по той же причине отрицал Пушкина и Рафаэля герой тургеневского романа «Отцы и дети» Евгений Базаров. Искусство приходит в противоречие с аскетикой, отвлекая душу от единого на потребу: «Любящие театральные зрелища по необходимости отвращают взор от души своей, от зрелища страстей и от познания себя»¹².

Безусловно, в позиции о. Иоанна есть определенные крайности, он не разглядел в современной ему культуре живого поиска Истины, но в то же время несом-

ненно, что он наметил ряд проблем в церковно-культурных отношениях, без творческого решения которых невозможно воссоединение «двух братьев».

Второй взгляд на обсуждаемую проблему отношения церкви и культуры был сформулирован на рубеже XIX-XX веков в кругу молодого петербургского духовенства, известного под названием кружка «32-х», а позднее — «Союза ревнителей церковного обновления». В 11-м пункте программы Союза, опубликованной в начале

О. Николай Добронравов, один из трех членов «группы 32», причисленных Русской православной церковью к лику святых

1906 года, говорилось: «Союз признает, что Церкви принадлежит обетование обновить весь мир и что свободная наука, искусство и культура представляют не только могучее средство этого обновления, но и непреходящие элементы Царства Божия». Очевидно, что в данном случае ценность культуры не только не ставится Церковью под сомнение, но и обретает приоритетное значение: культура признается пространством действия Духа и преддверием Небесного Царства. Такая постановка вопроса была неожиданна и нова для своего времени. Члены Союза признавали, что «проблема об отношении христианства к земной жизни человечества, его культурно-историческому творчеству, об участии Церкви в процессе государственного, общественного и экономического развития»¹³ до сих пор оставалась мало разработанной.

Идея ответственности христианства за земную жизнь человечества восходит к учению Владимира Соловьева о «христианской общности». Философ настаивал на том, что осуществление Царства Божьего — это богочеловеческий процесс, который зависит как от Бога, так и от творческих усилий человека. Он писал: «Духовное перерождение человечества не может произойти помимо самого человечества, не может быть только внешним фактом; оно есть дело, на нас воз-

Илья Михайлович Громогласов, член «группы 32-х», профессор МДА. Погиб после четвертого ареста в 1937 г. по обвинению в «принадлежности к монархической группе архиеп. Фаддея (Успенского)». Прославлен в чине новомученика в 2000 г.

ложенное, задача, которую мы должны разрешать»¹⁴. Культура взяла на себя эту задачу в условиях, когда церковь поставила во главу угла религию индивидуального спасения и отречения от всего материального. Поэтому, с точки зрения Соловьева, Дух Святой действовал в ис-

тории через «неверующих деятелей, особенно когда верующие изгоняли Его»¹⁵.

Отношение к миру, к земной жизни и, соответственно, — к культуре, как к ее части, стало краеугольным камнем расхождения между традиционным синодальным и вновь нарождающимся постконстантиновским типом религиозности. Если для о. Иоанна Кронштадтского театр, искусство, культура — отвлекают от чаяния будущей жизни, от устремленности к Небесному царству, то для В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, о. Константина Аггеева и др. «наука, искусство, общечеловеческая, вообще культура, сохраняя обязательную для них свободу, но свободно проникаясь светом христианства и свободно преобразуясь им, являются могучими орудиями и элементами Царства Божия»¹⁶.

На практике союз церкви и культуры проявлялся в том, что многие представители духовенства стремились получить качественное светское образование, преподавали как в духовных учебных заведениях, так и в гимназиях, на различных курсах и в светских институтах, имели многообразные личные и творческие связи с представителями культурной элиты. Например, о. Григорий Петров был завсегдатаем дома И.Е. Репина в Пенатах; о. Константин Аггеев состоял в дружественной переписке с философом и критиком А.С. Глинкой (Волжским), писателем Алексеем Ремизовым, поэтом Ин-

О. Иоанн Артоболовский, член «группы 32-х», участник Поместного собора 1917-18 гг. Прославлен в соборе Бутовских новомучеников

нокентием Анненским, о. Иоанн Егоров тесно общался с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус и т.д.

Церковные деятели старались не только хорошо знать достижения культуры, но и прозревать в них действие Божьего Духа. Так, например, о. Константин Аггеев в письме к Эрну от 4 июня 1907 г. восклицал: «В данную минуту сижу над «Несвоевременными размышлениями» Ницше. Как много у него истинно-религиозного!»¹⁷

Первые попытки публичного диалога между представителями церкви и культуры были связаны с религиозно-философскими собраниями, проходившими в Петербурге в 1901–1903 гг. Позднее, в 1914 г., аналогичный диалог был продолжен в рамках религиозно-философского общества.

Однако на пути «воцерковления культуры» очень скоро выявился ряд опасностей. Обратимся к характеристике духовного состояния представителей русской культурной элиты серебряного века, данной Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матерью Марией). Вспоминая о собраниях на «башне» у Вячеслава Иванова, где бывали люди, «в полной мере владеющие ключами от сокровищницы современной культуры»¹⁸, она писала: «Разговоры шли о Григории Богослове, о Штейнере, о страдающем боге Дионисе, о Христе, о Марксе, о Ницше, о Достоевском, о древней мудрости Востока, о Гете — и обо всем с одинаковым знанием, с одинаковой возможностью обозреть все с птичьего полета, взять всюду самое ценное. И не только самое ценное, — довести все до парадокса, обострить и уничтожить, соединить

Окончание на с.5

МИССИЯ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доклад проф.-свящ. Георгия Кочеткова на конференции «Наследие о. Александра Шмемана»

Прошло 25 лет после смерти о. Александра Шмемана, а споры о нём и его наследии не умолкают. Духовная борьба продолжается. Мы постоянно видим, что о. Александр то отступает, теснимый духовными оппонентами, то наступает и побеждает. Он остается для многих «знаменем пререкаемым», каким остается в православном мире и всё наследие русского религиозно-философского возрождения, а в конечном счете каким всегда был и остается в мире наш Господь.

Ныне, особенно после выхода замечательных «Дневников», отразивших главное в последнее десятилетие жизни о. Александра и, к счастью, во многом скорректировавших наши представления о его наследии, мы можем засвидетельствовать, что о. Александр Шмеман — не популяризатор церковной традиции, тем более не какой-то её реформатор, а настоящий вдохновитель церкви, подлинный православный миссионер, «свидетель верный» — верный Богу и ближнему, Божьему миру и самой церкви. Он тот, кто сам брал и призывал других брать на себя ответственность за церковь, за мир, за каждого человека в нём.

Тема миссии Церкви в современном мире не только остаётся одной из основных тем, которые беспокоят церковных людей, она звучит всё громче и становится всё более актуальной. Осмелюсь утверждать, что эта тема была главной темой жизни о. Александра, наряду с темой евхаристического возрождения православной церкви, притом, что одна другую прямо обуславливала.

Это уже звучит тем парадоксом, который сразу вводит нас в проблематику жизни и мысли о. Александра. Как известно, он видел Церковь как действительно, хотя и таинственно и таинственно присутствующую и служащую «в мире», ибо она призвана жить и быть «не от мира», что для него неизменно связывалось с евхаристией или даже с безвучной мессой.

Это был фундаментальный, изначальный его опыт, от которого он не отказывался никогда. Он сам писал об этом в «Дневниках» 10 декабря 1973 года: «Христианский Запад: это для меня часть моего детства и юности, когда я жил «двойной» жизнью: с одной стороны — очень светской и очень русской, то есть эмигрантской, а с другой — потаённой, религиозной. Я иногда думаю, что именно этот контраст — между шумной, базарной, пролетарской rue Legendre и этой, всегда одинаковой, вроде как бы неподвижной мессой (пятно света в темной церкви), один шаг — и ты в совсем другом мире, — что этот контраст изнутри определил мой «религиозный опыт», ту интуицию, что, в сущности, уже никогда меня не оставляла, — сосуществования двух различных миров, «присутствия» в этом мире чего-то совершенно, абсолютно иного, но чем потом всё так или иначе светится, к чему всё так или иначе относится, Церкви как Царства Божия «среди» и «внутри» нас. Rue Legendre не становилась от этого — и в этом всё дело, всё мое внутреннее отталкивание от чистого спиритуализма — ненужной, враждебной, несуществующей. Напротив — говоря очень приблизительно, — она приобрела как бы новый шарм, но понятный, очевидный только мне, знавшему её «отнесенность» к этой fete a l'escart (праздник на стороне, отдельно), к этому «присутствию», являемому в мессе. Мне всё делалось страшным интересным: каждая витрина, лицо каждого встречного, конкретность вот этой минуты, этого соотношения погоды, улицы, домов, людей. И это осталось навсегда: невероятно сильное ощущение жизни в ее телесности, воплощенности, реальности, неповторимой единичности каждой минуты и соотношения внутри неё всего. А вместе с тем интерес этот всегда был укоренен как раз и только в отнесенности всего этого к тому, о чём не столько свидетельствовала или напоминала беззвучная месса, а чего она сама была присутствием, явлением, радостью. Но что такое, в чём эта «отнесенность»? Мне кажется, что именно этого я никак не могу объяснить и определить, хотя, в сущности, только об этом всю жизнь говорю и пишу (литургическое богословие). Это никак не «идея»: [это] отталкивание от «идей», всё растущее убеждение, что ими христианства не выразишь. Не идея «христианского мира», «христианского общества», «христианского брака» и т.д. «Отнесенность» — это связь, но не «идейная», а опытная. Это опыт мира и жизни буквально в свете Царства Божия, являемого, однако, при посредстве всего того, что составляет мир: красок, звуков, движения, времени, пространства, то есть именно конкретности, а не отвлеченности. И когда этот свет, который только в душе, только внутри нас, падает на мир и на жизнь, то им уже все озарено, и сам мир для души становится радостным знаком, символом, ожиданием» (с. 51-52).

Интересно, что именно такая чистая и сильная вера в Церковь и в Божий мир привела о. Александра к острому критическому взгляду на их современное состояние, а также к прямому выступлению против «эклезиолатрии» и, с другой стороны, против «идолопоклонства» перед этим миром. Он открыто и ярко писал об этом. Он видел опасность «эклезиолатрии» там, где церковь выявляла себя «без эсхатологического измерения», только как форма «жизни в себе» (см. ст. 1976 г.

Юлиания Шмеман, вдова о. Александра, благодарит о. Георгия Кочеткова за доклад, который глубоко и точно отразил мысли и переживания о. Александра

«Мир в свете православной мысли и опыта» в сб. «Церковь, мир, миссия». М., 1996. С. 91). И в той же статье он писал: «Есть лишь один сущностный грех, одна настоящая опасность. Это — грех и опасность **идолопоклонства**... соблазн абсолютизации и обожествления «мира сего» с его эфемерными ценностями, идеями и идеологиями, соблазн [непонимания] того, что мы, как народ Божий, не имеем здесь «постоянного града, но ищем будущего» (Евр 13:14)» (там же, с. 99).

Чтобы исполнить свое призвание, чтобы в полноте отвечать за мир, церковь, по мнению о. Александра, сама «должна вернуться к «единому на потребу» — к сущностно-эсхатологической природе её веры и её жизни» (там же). Только это может помочь миру исполнить его призвание как свою историческую и метаисторическую ответственность пред лицом Божиим. Поэтому крайне важно и необходимо изменение как мира, так и церкви, и главное — возвращение им того эсхатологического начала, которое во многом потеряно даже в таинствах, даже в евхаристии (см. там же, с. 96), в конечном счете, и в церкви, устроенной как организация, как «приход», и в мире с его псевдохаризматическим экстазом и псевдоэсхатологическим страхом перед всяким апокалипсисом, особенно в глобализирующемся мире, где позволено или всё, или ничего.

Этому возвращению эсхатологического начала в церковь и мир и соответствующему ему изменению церковь и мир, конечно, сопротивляются, несмотря на то, что они в своей основе — от Бога, Который и призвал их в Царство Небесное. О. Александр приводит множество тому свидетельств в своих «Дневниках». Он однозначно выступает против всего, что «псевдо» в церкви и мире, против всех подделок, против игры в благочестие и «болтовни о монашестве, иконах и духовности» (с. 575). Он противопоставляет приходскому принципу общинный, понимая общину как эсхатологическую реальность, как любовь, знание, исполнение всего во Христе, как возможность жить в свободе от идолов и в радости с благодарением (см. с. 633-635).

Для о. Александра все в Церкви имеет миссионерское значение и все в мире имеет значение для Церкви, которая указывает миру путь к Богу и в Царство Небесное. Для него миссионерское значение имеют, или должны иметь, все таинства церкви, но и сам мир, прежде всего природный, но всё же в известной мере и социальный и культурный должен быть понят как таинство. Для него мир — всегда вызов для церкви, мир и в положительном, и в отрицательном своем значении, поэтому он помогает церкви определить, как ей надо жить в наше время, а как не надо. Но и Церковь — всегда вызов для мира, и в свою очередь она открывает миру, что для него сейчас хорошо, а что плохо.

Говоря об этом, нам нужно помнить всю сложность свойственной о. Александру Шмеману постановки проблемы современного свидетельства Церкви в мире. Он не только сильно сближает Церковь и мир, помня о том, что они всегда — Божий дар, но и не смешивает их, несмотря ни на какие проблемы их современного устройства и жизни, как не смешивает он, или старается не смешивать, особенно в последний период своей жизни, Церковь и церковь, а с другой стороны, — Церковь и Царство Небесное. Кроме того, он рассматривает саму эту задачу миссии Церкви в современном мире в трех аспектах: внутрицерковном, межконфессиональном и внешнецерковном.

Вникнем в эти аспекты темы немного подробнее. О. Александр был уверен, что «христианство есть миссия» (прот. А. Шмеман. «За жизнь мира». Вильнюс, 1991. С. 98). Поэтому в первую очередь он должен был позаботиться о том, чтобы реальное состояние христианского мира, христианской церкви соответствовало этой задаче. Каким должно быть христианство? Что дол-

жно быть в нём самом, чтобы миру было, что слушать, было, что посмотреть, было, куда идти?

Отвечая на эти вопросы, о. Александр не говорит «о стратегии и тактике «завоевания мира» христианством» (там же, с. 100). Он убежден, что «все разговоры о миссии, а это значит, о Церкви и её отношении к миру, окажутся праздными... до тех пор, пока не примем мы, христиане, христианского *откровения о мире*. А это откровение, — по его мнению, — дано и дается нам... в *литургии*... Я отлично знаю, — продолжает он, — что за две тысячи лет смысл этой литургии часто затемнялся и сужался, теряя в сознании верующих свою *отнесенность* к миру, свою «эпифаническую» силу. Однако ни затемнения, ни сужения — не непоправимы, особенно в нашем православном литургическом предании, сохранившем в целостности изначальную структуру свою и дух. Единственное настоящее горе наше — это разрыв между этим *литургическим откровением мира*, между богослужением и «богословием», т.е. попытками систематического определения и объяснения христианской веры. Но и это горе, повторяю, не непоправимо. Ибо пока совершает церковь свою «литургию», свое дело, пока ежедневно, и часто в полупустых храмах, возносит священник к небу смиренные дары хлеба и вина, возносит и приносит их... за весь мир, за все творения, и всё соединяет во Христе, Господе и Спасителе мира, всё относит к грядущему Царству, — совершается и исполняется в мире то *свидетельство о мире*, без которого нам решительно нечего возвестить ему и некуда [его] звать.

Ибо христианство — не система «идей» и, уж во всяком случае, не идеология. Оно есть *опыт*, и свидетельство об этом опыте, непрестанно подаваемом Церковью» (там же, с. 101-102).

Вот типичный текст о. Александра Шмемана, говорящий о сущности христианской миссии, начинающейся изнутри церковной жизни. При этом он говорит о триедином откровении, дарованном нам Христом: для христиан мир понимается как мир Божий, первоначальный, далее — как мир падший, лежащий во зле, подчинённый греху и смерти, и, наконец, мир возрождённый и спасённый Христом. Об этом и должна свидетельствовать миру Церковь. «И этот опыт, только он, составляет основу и двигатель миссии Церкви в мире» (там же, с. 101). Конечно, тут же о. Александр оговаривается, что внутри самого христианства этот опыт редуцировался, распался. «Мироотрицание и мироутверждение, апокалиптика и прогресс, духовность и рационализм, мистика и наука, всё это [в церкви] сосуществует во взаимном отрицании и обличениях...» (там же).

В других местах о. Александр не останавливается на одной лишь редуциации современной христианской жизни и опыта восприятия ею мира. Оказывается, что это «единственное настоящее наше горе» не ограничивается и разрывом между *lex orandi* и *lex credendi*. Исходя из реального опыта своей жизни, о. Александр ощутяло приходит также к третьему столпу церковного предания, на котором должен стоять союз обоих этих законов. Это — *lex vivendi*. Надо, чтобы то, что есть в церковной молитве, было не только в церковном учении, но главное, в самой экзистенциальной церковной жизни. Надо, чтобы евхаристия перестала быть некой самостоятельно существующей реальностью, чтобы тело Христово было на престоле, прежде всего, потому, что церковное собрание стало Христовым Телом, но не наоборот: «Христос здесь, потому что Его тело на престоле» (см. «Дневники», с. 67).

Дальше больше. По о. Александру, современному православию ещё надо преодолеть и «бабье» благочестие с его специфическим «умилением», «суеверием» и бескультурьем, с его стихией, язычеством и чувственностью; и гностический уклон, т.е. восточный эллинизм и западный интеллектуализм; и дуализм вместо здорового эсхатологизма; и национализм в его кровной (языческой) и якобинской (государственно-авторитарной, негативной) сущности.

Проблемы церковной жизни в конечном счете оказываются бесчисленными. О. Александр отмечает в церкви и «номинализм» (все эти «Антиохии» и «Александрии»), и литургический слепой консерватизм, культ «прошлого» и «внешнего» (бород, рясы, стили), и апокалиптизм и ненависть к современному миру (а не к «миру сему»), и эмоционализм (см. там же, с. 547) и ложный историзм, предполагающий, что церковь как бы реализовала себя в полноте в определенный исторический период, и объективацию Духа, когда церковный институт заменяет собою основное в Церкви, и подмену веры идеологией с её неизбежным поиском врагов и ересей вместо самой церковной жизни, и одиночество и разобщённость христиан, церковных людей, особенно священнослужителей, и многое другое.

И все же о. Александр не впадает в уныние или отчаяние. Он твердо уверен, «что источник и начало христианского свидетельства и, следовательно, миссии — в восхождении Церкви во Христе в радость будущего века, в причастии её к полноте откровения Божьего. [И] только когда, повелением Церкви, мы возвращаемся из све-

та и радости Христова присутствия — только тогда мир становится полем подлинного христианского делания... Только тогда, когда во тьме «мира сего» мы различаем, что Христос уже наполнил Собою всё, только тогда *всё* раскрывается нам [как] исполнение смысла... Христианин — это тот, кто, куда бы он ни направил свой взор, повсюду находит Христа и радуется. И эта радость *преображает* все его человеческие планы, решения, поступки, и всю его жизнь превращает в миссию: в возвращение мира Тому, Кто есть Жизнь мира» («За жизнь мира», с. 102-103).

При таком вселенском размахе невозможно было бы ожидать от о. Александра Шмемана узкого конфессионализма. В соединении усилий всех христиан, в едином свидетельстве о Христе — залог их сближения между собой. Для о. Александра важно, чтобы была и открытость, взаимодоверие между христианами и христианинскими церквями, и в то же время укорененность в своей традиции. Это единение в деле свидетельства прямо влияет на результат миссии Церкви в современном мире.

Из сказанного вполне понятно, в каком смысле о. Александр утверждал, что «церковь — не «гоцентричная», а именно миссионерская община, цель которой — спасение *мира*, а не *от* мира», что «церковь-тайнство предстает в православном опыте и вероучении как залог церковной миссии» (статья 1961 г. «Миссионерский императив» в сборнике «Церковь, мир, миссия», с. 250). Внешнецерковный аспект христианского свидетельства он описывает как антропо- или мироточичный ответ человека на божественный дар, который дополняет внутрицерковный, теоцентрический его ответ. Здесь Церковь проявляет себя «как реальность, пребывающая в «мире сем», в его времени, пространстве и истории, с особой задачей, или миссией: «поступать так, как Он [Христос] поступал» (1Ин 2:6)» (там же).

Поэтому, по о. Александру, мир — «объект любви, попечения и действия» церкви. Т.е., конечно, церковь сперва должна отвергнуть «мир сей», всё падшее в мире, но потом она же должна принять мир как тайнство (см. статью 1964 г. «Мир как тайнство» в сборнике «Церковь, мир, миссия», с. 257), как переход к вечной Жизни. Церковь верит, что сущность «человеческого призвания в мире» — «принесение Богу жертвы хвалы и, тем самым, претворение мира в общение с Богом» («За жизнь мира», с. 87). Церковь верит, что существуют общие космические и эсхатологические аспекты жизни Церкви и мира и что Церковь и мир соединятся в эсхатологической реальности. Да, мир должен обратиться ко Христу и Церкви, но и Церковь, и всё, что в ней, должно включиться в «христианское уразумение мира и его призвания» (там же, с. 78). Только так можно будет «преодолеть «подрыв доверия» и сделать христианство (в первую очередь себя) символом [новой жизни], которым оно перестало быть» в этом мире. Для церкви мир — «не самоцель, а орудие освящения, приобщения и приведения человека к вечному Царству Божьему» («Мир в свете православной мысли и опыта», с. 91). По мыс-

Благословение озера в Лабель, Канада, 1975 г. (из кн. о. Александра Шмемана «Дневники»)

ли о. Александра, «функция Церкви в мире определяется тем, чтобы раскрыть его *eschaton*, возвестить Царство Божье как последнюю цель и, таким образом, относить к нему всю жизнь человека и мира». Отсюда следует, что «Церковь — не агентство по разрешению бесконечных проблем, захлестывающих мир...» (там же, с. 99).

Согласно взгляду и опыту о. Александра Шмемана, не только социальный и культурный, но и просто природный мир, космос — «это Божий дар нам: он существует не только для себя, но и для того, чтобы преобразиться, стать жизнью и вернуться к Богу человеческим приношением и даром» («Мир как тайнство», с. 261).

Итак, по о. Александру, «именно миссия дает полное звучание человеческому ответу в Церкви, делая нас истинными соратниками Христа в Его деле» («Миссионерский императив», с. 251). Но, по убеждению о. Александра, «живем мы в эпоху глубочайшего кризиса миссии, если не распада её» («За жизнь мира», с. 98-99). Этот вывод он делает не просто эмоционально. Он пытается его обосновать и пишет: «Каковы бы ни были успехи христианской миссии в прошлом: крещение целых народов, создание великой христианской культуры, озарение человеческой жизни идеалом святости, сегодня мы должны честно признать двойную неудачу, двойное поражение: с одной стороны, церковь не сумела одержать никакой существенной победы над другими мировыми религиями, явить им и донести до них Христа. А с другой, ей не удалось преодолеть хоть сколько-нибудь ощутимым образом победного распространения *секуляризма* внутри нашей, совсем еще недавно называвшей себя христианской, культуры» (там же).

По мнению о. Александра, это значит, что христианство превратилось просто в одну из мировых религий, «и давно прошли те времена, когда оно считало их обреченными на исчезновение перед лицом самоочевидного превосходства хри-

стианской веры. Религии эти не только не исчезли, но, напротив, обнаруживают замечательную жизнеспособность и с огромным успехом миссионерствуют внутри самого христианского мира» (там же). «Секуляризм» же вредит христианству тем, что вносит разделение в само христианство, в саму церковь. По словам о. Александра, «здесь яростное отвержение его консерваторами всех оттенков, — а мы бы сейчас сказали: фундаменталистами, или, по-булгаковски, ортодоксистами, — сталкивается с восторженным и безоговорочным принятием его богословами, интеллектуалами, иерархией и т.д. [т.е. модернистами всех оттенков], с призывом к христианам радикально пересмотреть своё «свидетельство»» (там же).

Все эти замечания и выкладки о. Александра до сих пор звучат очень современно. Это не случайно. Ведь о. Александр Шмеман был не только теоретиком, но и реальным, конкретным практиком церковного возрождения во второй половине XX века. В этом, наверное, и заключается самое важное для нас в его наследии. Он хорошо понимал, что сейчас церковь уже «не до жиру», и поэтому её задача — это внутренняя и внешняя миссия, способная влиять на судьбу современного мира.

В заключение отметим, что о. Александр прошел большой путь. Если, скажем, в 60-е годы ему ещё более всего было важно «что на престоле», то в последнее десятилетие его жизни ещё важнее для него стало то, «что в храме». Это было не просто углублением его евхаристической экклезиологии, это был серьезный шаг к незаметно стоящей за ней экклезиологии общинно-братской, не просто мистериальной, но более персоналистской, экзистенциальной и мистической. Это был шаг к великим учителям — Николаю Бердяеву и о. Сергию Булгакову. Однако пришел он к этим выводам уже не от избыточного богатства духа и смысла, а от горести и печали. Впрочем, мы здесь должны констатировать, что не только последнее, но и первое ещё не

вовне усвоено церковью и в церкви.

По-прежнему в наше время стоит задача собирания церкви, поиска всего живого в ней. Мало говорить правильные вещи, кто-то должен ими и жить, их воплощать. Церковь сама не соберётся, значит, надо вновь вспомнить слова Христа: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф 12:30).

«Мир сей» не желает отступать. Он одержал в борьбе с церковью много побед и сейчас проник уже не только в богословие и в богослужение, но и в саму жизнь церкви, заразив её разными «ересями жизни», о чем так много писал еще Бердяев. Это, в первую очередь, касается всё той же проблемы модернизма (секуляризма, обновленчества) и традиционализма (фундаментализма, изоляционизма и филетизма): границы церкви то неминуемо сужаются, то расширяются, чуть ли не до полного их исчезновения. Этот раскол укрепляется, в церкви становится еще больше подделок и всего, что только «псевдо». На Западе главная опасность идет от первой тенденции, а на Востоке, в традиционных православных странах, — от второй.

Кроме того, к нашему времени выяснилось, что любая старая церковная традиция ограничена, даже если это касается догматики или канонических принципов молитвы и церковной жизни. Церковная традиция должна быть всегда живой и растущей, чего в жизни часто нет. С другой стороны, мы видим, что в настоящее время «мир сей» все больше отходит от Бога и Церкви. Отсюда проблема роста в христианских странах религиозной индифферентности или радикализма, в том числе мусульманского, отсюда же проблема христианского отношения к женскому священству, к гомосексуализму, проблемы биоэтики и даже проблемы устройства Европы и глобального мира.

Сейчас, когда со смертью о. Александра Шмемана и о. Иоанна Мейендорфа по сути завершилась великая эпоха русского религиозно-философского возрождения и столь же великая эпоха новых мучеников и исповедников, надо помнить, что церковное возрождение и обновление, которого так ждал о. Александр и для которого он так много сделал и делает, не произойдет, если церковь, весь народ Божий, не будет решать поднятых в течение всего XX века внутрицерковных проблем. Здесь стоит некий водораздел: или церковь вновь обретет себя, свой голос, своё приобщение к полноте богочеловечества, или она превратится в секту, т.е. или она обретет миссионерскую открытость миру и всем людям, как и вообще всему, что дает ей ныне Бог, или она этого не сделает и тогда обретёт закрытость и мертвое бездвижность, увеличит в себе и вокруг себя страх, недоверие, споры, ссоры и расколы, найдёт для себя опору лишь в силе государства и будет ещё более упорно отрицать любовь и свободу в себе, в человеке и в мире.

Церковь не может и не должна жить только прошлым или только будущим. Жить полнотой настоящей жизни учит нас подлинная церковная традиция и такие её свидетели, как протопресвитер Александр Шмеман.

ОН ВЕРИЛ В РОССИЮ

Интервью с сыном протопресв. Александра Шмемана, известным американским журналистом Сергеем Александровичем Шмеманом

Сергей Александрович, о. Александр известен, прежде всего, своими трудами о евхаристии, но в 1974 году он пишет книгу о крещении «Водою и Духом». Почему?

Начиная с 70-х годов, когда из России начали выезжать те, кого выпускали как евреев, он встречался со многими эмигрантами. Многие были крещеные, многие попадали к нам в семинарию. Т.к. он всю жизнь, уже с 1953 года, передавал свои проповеди в Россию по радио «Свобода», то ему важно было слышать эти голоса оттуда, знать, что что-то еще живет, и не только русская культура, но и вера, что люди в Россия нуждаются в его слове, жадуют его. Я помню, что у нас дома часто бывали русские, которые тог-

да приезжали. Я узнавал людей, которые еще в 70-е были у нас. Например, сестры Дорман, которые сейчас уже почтенные мамы и даже, наверное, бабушки. Тогда они, девочки, со своими родителями (их мать — Вероника Штейн), о. Михаил Меерсон и многие другие встречались с отцом. Конечно, мой отец их расспрашивал о России — о том, что происходит. Я не могу точно сказать о том, какую это роль играло в книге «Водою и Духом». Но я знаю, что в те годы он очень прислушивался к этой России, которую он до этого никогда не слышал, о которой он лишь знал, что она существует. Он в нее верил, но ее никогда раньше не слышал.

Он никогда не был в России...

Да, такая судьба. Он очень хотел приехать, всегда хотел. И когда меня назначили в Москву в 80-м году, он хотел приехать как мой гость, неофициально. Но, конечно, это было бы замечено в какой-то степени и официально. Он очень хотел, готовился и... заболел. И вот так вышло, что в 1982-м уже стало невозможно путешествовать. Так что можно сказать, что он просто не успел.

При каких обстоятельствах Вы познакомили его с Иосифом Бродским?

Это было абсолютно случайно. Однажды ко мне в дверь стучат. Откры-

ваю — стоит Бродский. Мы только что были на его поэтическом вечере с моим отцом. Бродский говорит: «Мне все говорят, что Вы понимаете по-русски — помогите мне». Оказывается, что у него с кем-то было недоразумение. Он не говорил ни слова по-английски. И кто-то из нашего дома сказал ему, что здесь человек говорит по-русски, он вам поможет. И вот он стучит в мою дверь. Он меня совершенно не знал. Просто один из моих соседей указал ему меня. Я помогал ему в каких-то бытовых делах: помог открыть счет в банке, был переводчиком. И, конечно, тут же при-

Продолжение на с. 8

ОН ВЕРИЛ
В РОССИЮ

Окончание. Начало на с. 7

гласил моего отца. Я часами слушал их разговоры. Много сам с Бродским ходил по городу, переводил. Вот так я их познакомил.

О чем они говорили?

О поэзии все больше. Но, конечно, и о России. Мой отец жил поэзией, как и Церковью. Он мог запоминать на слух и, выходя, скажем, после поэтического вечера Бродского, читать многие его стихи. У него память была удивительная. Я даже помню с гордостью, что когда приезжали русские и цитировали литературу, он их иногда поправлял. Они думали: как этот эмигрант может знать. Он доставал книгу и показывал. Он знал огромное количество стихов. И очень ценил Бродского. И, может быть, в этих разговорах даже дошло до какого-то момента, похожего на обращение... Не помню.

Бродский не был особенно верующим. Но в его стихах символика православная, христианская повсюду видна. И поэтому у него были проблемы с некоторыми еврейскими общинами, которые считали, что должно быть больше еврейской символики. А он говорил, что это мир, в котором я живу.

О. Александр думал о будущем России?

Мы все думали о будущем России. И когда вышел «Один день Ивана Денисовича» и другие книги, когда вдруг в 60-х, 70-х годах появились такие фильмы, как «Андрей Рублев» Тарковского, мы вдруг увидели, что существует и живет та самая русская культура, которая, как мы боялись, только у нас осталась. ГУЛАГ, война — что может там остаться? И вот — живет!

Для него в эти годы — 60-е, 70-е, 80-е — люди, которые тогда приезжали, новые книги, которые мы смогли читать, музыка и фильмы — все это была большая радость.

Когда я привез из России слайды, он смотрел с интересом, расспрашивал. Это в дневниках есть. Когда я показываю Суздаль, он смотрит, начинает думать: «Боже мой, сколько церквей, зачем это нужно?» Было много вопросов. Я думаю, что в те времена, когда мы видели Россию, возрождающуюся для нас, вы видели тогда это по-иному. Мы вдруг видели отсюда живые голоса, живые фотографии. Вот то, что для него было главное. Все эти годы, когда он вел свои беседы по радио, откликов не было. Это не были теоретические лекции. Они всегда были живому человеку, кому-то. Он всегда верил, что есть те, кто слушает. Те, для кого это важно и нужно. Это никогда не было пропагандой. Это просто был разговор с другом, родственником, со своим же человеком. Вдруг понять и увидеть, что все это есть, все это существует по-настоящему, для него было очень, очень важно. А до будущего он не дождался, к сожалению.

Беседовал Александр Буров

«ХРИСТИАНСТВО ТАК РАДОСТНО, ТАК СВЕТЛО!»

8 января, на второй день праздника Рождества Христова, исполнилось 25 лет со дня преставления прот. Всеволода Шпиллера

«Плоды, которые он принес, показывают, что он — один из светочей нашей церковной жизни в этом трагическом и сложнейшем столетии...»
Прот. Иоанн Мейендорф

О. Всеволод (последний снимок)

Выходец из старой московской интеллигенции, дворянин, обладавший глубоко чувством культуры, офицер Белой гвардии, прошедший с армией Врангеля до Крыма и ушедший в эмиграцию, женившийся на одной из самых знатных девушек русской эмиграции, светлейшей княжне Радзивиловской, фрейлине обеих русских императриц, и к удивлению многих принявший священнический сан в Болгарской православной церкви, отец Всеволод вернулся в 1950 году в Россию и вскоре возглавил приход храма Николая в Кузнецках. В течение 30 лет своего служения он собрал под своим духовным руководством самый многочисленный приход в Москве, большую часть которого составляла молодежь и интеллигенция.

Круг его общения раскрывают опубликованные сейчас письма: это главы поместных православных церквей и иерархи Русской православной церкви, оставшиеся в изгнании русские богословы и философы, а также простые верующие из самых разных стран мира, нуждавшиеся в честных ответах православного пастыря.

Послушать его проповеди церковные люди приезжали из разных городов. В стране, где публичная проповедь была запрещена, а церкви была отведена роль культового требоисправителя и идеологического прикрытия «борьбы за мир», в московских храмах звучал голос получившего прекрасное богословское образование в Европе выдающегося проповедника о. Всеволода Шпиллера. Отец Всеволод говорил о Христе и о Церкви, о радости и любви. Он утверж-

дал людей в вере и надежде, словом проповеди распрямлял души и возвращал человеческое достоинство. «В сегодняшнем апостольском чтении, — говорил он в своей проповеди в 1981 году, — мы слышали эти слова апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос!» Вот как надо, вот что значит жить в Церкви, вот что такое Церковь! Это есть жизнь Христа, соединенная с жизнью человека, послушной и подвластной Ему... тогда именно и поднимается человек над этим миром силою Духа Святого, потому что Церковь есть жизнь во Христе, движимая Духом Святым... (почему-то многие из нас ошибаются, думая, что Церковь это какое-то учреждение, а не жизнь)... и там, в этой настоящей сокровенной жизни во Христе преодолевается ненавистная рознь мира сего».

О возрождении Русской православной церкви отец Всеволод думал и заботился. В 1980-х годах он благословил возрождение агап. Он учил не путать христианство и христианскую культуру, но вел и к тому, и к другому. Так, он благословлял церковную молодежь получать богословское образование, подчеркивая, что без него можно стать только «хорошим попиком», которые, конечно, церкви нужны, но еще больше ей нужны хорошие священники.

Ему была присуща духовная уверенность, что начинать общение с любым человеком и продолжать его надо только на основании любви, веры в то, что в каждом человеке есть образ Божий. Своим духовным чадам он говорил: «Если Вы не каетесь, что в вас мало любви, ваше покаяние напрасно. Корень греха — в малой любви».

Архиеп. Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) называл его одним из наиболее интересных и свободных собеседников в Москве, выразителем мнений тогдашней церковной интеллигенции. Протопр. Иоанн Мейендорф подчеркивал, что самым главным и действительно Божественным его даром было чувство церковного единства и умение различать истинную волю Божию. Он поддерживал в церкви все живое, что возрождалось в ней благодатью Святого Духа. При подготовке Поместного собора РПЦ 1971 года, который должен был избрать Патриарха, он не побоялся направить на имя митр. Никодима конфиденциальное письмо, в котором анализировал процедуру избрания Патриарха, исходя из опыта Поместного Собора 1917–1918 гг. и Автокефальных Поместных Церквей: «Избирается патриарх повсюду только тайным голосованием. Обычно оно трехстепенно. Сначала тайным голосованием избираются на уровне епархиальном под председательством епархиального архиерея выборщики патриарха, то есть будущие члены Собора, клирики и миряне. Затем тайным же голосованием Синод в расширенном составе из числа всех епископов Церкви избирает трех кандидатов в патриархи. Эти три и пред-

лагаются Собору для избрания одного из них Патриархом. При этом порядке голосуют все члены Собора одновременно, на равных правах: архиереи, клирики и миряне...» Отец Всеволод знал, что подобная процедура едва ли возможна в существующих условиях, но все же пытался сказать, что только «сборное выражение церковного сознания будущему Патриарху может дать внутренний и внешний авторитет». В этом же письме он предложил не вносить в повестку дня Собора вопрос о церковном суде над «карловчанами» для окончательной расправы над ними.

Невозможность примириться в церкви со всякой неправдой, попранием чести и достоинства человека привела его к написанию 23 июня 1939 года пронзительного по своей открытости письма Н.А. Бердяеву. «Глубокоуважаемый Николай Александрович! Не знаю, следует ли и могу ли сесть за это письмо: ни Вы меня не знаете совсем, и я не знаю Вас почти совсем. Всё-таки на книжной полке стоят, кажется, все Ваши книги... А я — во вражеском Вам стане, священник очень консервативного духа... И в Ваших писаниях, хотя и есть в них что-то страшно близкое и своё, столько в них чужого и далёкого, из другого стана мысли, из другого стана опыта. И вот всё-таки сажусь за это письмо, потому что захлабываюсь горечью и тоской и каким-то страшным внутренним негодованием против всего, что этот, мой стан, делает с Вами, да не только с Вами — с жизнью!.. Вся эта вражда и злоба в разделениях наших уже невыносима, уже совсем невыносима. Уже не только жутко, не только холодно жить во всём этом, а просто нельзя. И то последнее тёплое на земле, что ещё в каких-то обрывках остаётся с нами и в нас, если рвётся наружу, то и пусть рвётся куда бы ни рвалось и как бы ни рвалось!.. если бы Вы почувствовали даже и в этом моём к Вам порыве, что всё-таки оно ещё есть и даже здесь, в этом стане, за который так стыдно и больно, может быть, и простить что-нибудь этому стану? Зачем же принадлежать к нему? Одно здесь мог бы сказать на это. Как раз где пишет Розанов о последнем тёплом на земле и как он к нему бросился, пишет и о святых, которые будут победителями мира. Не за них ли бросился? К ужасу моему, только в этом стане я и нашёл их. Не говорю, что они только здесь, но что я их нашёл здесь только... Совестно признаться, но и это скажу. Пишу Вам чуть не со слезами какой-то совсем неизбывной горечи и печали и стыда за всё это такое ненужное и страшное в отношении к Вам. Искренне уважающий Вас священник Всеволод Шпиллер».

Дай нам Бог вернуть в церковь такую боль за каждого человека, такую любовь ко Христу, такое чувство чести и достоинства Церкви Божией! «Нужно так жить, чтоб душа радовалась. Христианство так радостно. Так светло!»

Маргарита Шилкина

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

КИФА

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50
© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 14 января 2009 г.
Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 16 января 2009 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подорова);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова); Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)